

А.А. ВЕРШИНИН

ЖАН ЖОРЕС – ЛИДЕР ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

Во всем мире в 2014 г. с размахом отмечалось столетие начала Первой мировой войны. Во Франции юбилей совпал с другой датой – годовщиной гибели Жана Жореса. Для французов эти два события неразделимы: популярнейший политик, лидер социалистов и общественный деятель стал первой жертвой войны, пострадав за свою последовательную пацифистскую позицию. Через сто лет после Сараевского убийства Первая мировая война воспринимается прежде всего как трагедия. Это заставляет вновь обращаться к фигуре Жореса, человека, который предвидел ее и предчувствовал все ее последствия.

По размаху официальных, публичных и академических, мероприятий во Франции годовщина гибели Жореса была вполне сравнима с юбилеем войны. С января в различных городах страны проходили тематические выставки, посвященные самому известному французскому социалисту. Летом под эгидой фонда Ж. Жореса в стенах Пантеона прошел цикл тематических конференций, которые венчал состоявшийся 11 ноября, в день окончания Первой мировой войны, большой научный симпозиум “Жорес перед лицом войны”. Апофеозом торжеств стало 31 июля – день гибели Жореса. Рано утром в парижское кафе “Круассан” на улице Монмартр, в котором его настигли пули убийцы-националиста, прибыл президент республики Ф. Олланд. У входа в кафе он возложил венок в память о Жоресе.

Чтобы понять, почему во Франции до сих пор так популярен человек, никогда не занимавший даже министерского поста, необходимо принять во внимание сложную историю этой страны и ее особую политическую культуру. Своей личностью Жорес в большей степени, чем многие другие, олицетворял те ценности, на которых основана современная французская политическая система. Защитник свободы в ходе борьбы за реабилитацию несправедливо осужденного А. Дрейфуса, борец за равенство в рядах Французской социалистической партии, он пал на поле битвы за братство, против войны, которая на десятилетия погрузила Старый Свет в атмосферу насилия и страха. На юге Франции, на его малой родине, Жорес является культовой фигурой. Памятниками ему заставлены города и деревни Лангедока. В столице региона, Тулузе, массивный бюст Жореса находится у входа в зал заседаний городского совета. В честь лидера французского социализма названы улицы, площади, проспекты. Дома, связанные с его жизнью и политической деятельностью, превращены в музеи.

Уже столетие фигура Жореса притягивает к себе внимание историков по всему миру. Количество изданных во Франции публикаций, посвященных лидеру социалистов, огромно. Первые начали появляться вскоре после его гибели. За перо взялись люди, лично знавшие Жореса и понимавшие масштаб его личности¹. Полноценные научные биографии стали создавать уже во второй половине XX в.² В преддверии

Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества при Отделении общественных наук РАН.

¹ *Rappoport Ch.* Jean Jaurès. L'Homme, le Penseur, le Socialiste. Paris, 1915; *Soulé L.* La vie de Jaurès. Toulouse, 1917; *Lévy-Bruhl L.* Jean Jaurès. Esquisse biographique. Paris, 1924.

² *Auclair M.* La vie de Jean Jaurès où la France d'avant 1914. Paris, 1954; *Rabaut J.* Jean Jaurès. Paris, 1971; *Gallo M.* Le grand Jaurès. Paris, 1984; *Candar G.* Jean Jaurès. L'intolérable, 1850–1914. Paris, 1989; *Rebérioux M.* Jaurès: la parole et l'acte. Paris, 1994.

юбилейных событий 2014 г. в свет вышло еще несколько обобщающих работ³. Но это – лишь один из пластов литературы о Жоресе. Другой, также весьма объемный, представляют собой художественные очерки и зарисовки, которые оставили после себя выдающиеся писатели и мыслители эпохи. А. Франс, Р. Роллан, С. Цвейг, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский – их литературные характеристики Жореса представляют собой как ценные источники сведений для его биографии, так и первые попытки осмысления его общественной и политической деятельности⁴.

В.И. Ленин, на труды которого ориентировалась советская историография, был не только современником, но и внимательным критиком лидера французских социалистов. При всем своей сложной оценке личности Жореса он сформировал общее отношение к нему как к одной из ключевых фигур эпохи. Уже в 1918 г. отдельной брошюрой был выпущен очерк Л.Д. Троцкого о Жоресе. Особое отражение получило творчество Жореса как историка Французской революции⁵. Однако тот факт, что основатели Советского государства неоднозначно характеризовали лидера французских социалистов, считая его оппортунистом и отступником от марксизма, не мог не сказаться на его общей оценке отечественными историками. Собственно, о нем писали лишь двое из них. А.З. Манфред посвятил Жоресу ряд статей, в которых дал общую характеристику его политической деятельности⁶. Н.Н. Молчанов в серии “Жизнь замечательных людей” опубликовал первую и до сих пор единственную крупную биографию Жореса на русском языке⁷.

Сегодня в России имя французского трибуна почти неизвестно. Подготовка к столетию со дня его гибели практически не получила отклика в историческом сообществе. Вероятно, это следовало бы исправить. В распоряжении современных исследователей имеется обширный корпус источников, который позволяет осветить основные стороны его биографии. Письменное наследие Жореса огромно. Ни одному издателю еще не удалось свести его воедино, однако в XX в. были опубликованы многочисленные сборники его речей и статей. Ряд важных текстов, посвященных актуальным социальным и политическим проблемам, выходил и отдельными изданиями. Блестящий журналист, Жорес сотрудничал с целым рядом газет, тексты которых сегодня доступны для изучения. Практически вся политическая жизнь Жореса прошла в стенах французского парламента. Стенограммы тщательно зафиксировали его выступления и полемические выпады. Переписка Жореса сохранилась лишь фрагментарно⁸. То, каким его видели современники, мы знаем прежде всего из мемуаров. На страницах многочисленных воспоминаний он предстает как один из главных трибунов своей эпохи.

ПОЛИТИК С ЮГА

Французский Юг подарил стране целую плеяду блестящих политиков. Южанами были О. де Мирабо, Ф. Гизо, О. Бланки, Л. Гамбетта и многие другие. Однако, вероятно, никто из них так, как Жорес, не олицетворял собой этот регион – его культуру, людей и сам его дух. На протяжении столетий исторические области Юга – Гасконь,

³ Rioux J.-P. Jean Jaurès. Paris, 2005; Duclert V. Jean Jaurès 1859–1914: la politique et la légende. Paris, 2013; Candar G., Duclert V. Jean Jaurès. Paris, 2014.

⁴ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. – Троцкий Л.Д. Соч., т. VIII. М., 1926; Франс А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1960; Роллан Р. Воспоминания. М., 1966; Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968; Zweig S. Hommes et destins. Paris, 1999.

⁵ Кареев Н.И. Французские историки второй пол. XIX века и начала XX века, т. 2. Л., 1924; Лукин Н.М. Избранные труды, т. 1. М., 1960.

⁶ Манфред А.З. Жан Жорес. – Исторический журнал, 1944, № 9; его же. Жан Жорес – боец против реакции и войны. – Новая и новейшая история, 1959, № 5; его же. Голос Жореса. – Новый мир, 1964, № 8.

⁷ Молчанов Н.Н. Жорес. М., 1969.

⁸ Важную подборку его писем приводит друг Ж. Жореса Л. Леви-Брюль: Lévy-Bruhl L. Op. cit., p. 131–185.

Лангедок, Прованс – представляли собой территорию, культурно обособленную от центральной и северной Франции. Местное население изъяснялось на языке, который больше походил на каталанский, чем на французский. П. Мериме, в 1834 г. оказавшийся в Авиньоне, был настолько поражен этой языковой разницей, что записал в дневнике: “Мне показалось, что я покидал Францию... Я как будто оказался посередине города в Испании”⁹. Стендаль выражался еще более категорично. Он утверждал, что цивилизованная жизнь во Франции развивается лишь севернее линии Нант–Дижон. Южнее же “верят в ведьм, не умеют читать и не говорят по-французски”¹⁰. Ему вторил Ж. Мишле, который именно север страны назвал “настоящей Францией”¹¹.

Помимо языкового своеобразия, Юг стяжал славу колыбели религиозных ересей. В Средние века здесь распространилось учение катаров, искорененное пришедшими с севера крестоносцами. Здесь разгорелось пламя Религиозных войн между католиками и протестантами. Плюс к этому – особый жизненный уклад, обычаи и традиции. Народная культура Юга на севере была не в чести.¹² Язык местных крестьян, окситанский, дискриминировался. Его презрительно называли “патуа” – наречием или говором. Чтобы сделать политическую карьеру в Париже, выходец с Юга должен был принять официальную франкоязычную культуру и пожертвовать своей идентичностью. Жорес выбрал для себя другой путь.

Жорес родился в 1859 г. в городке Кастр к востоку от Тулузы в семье с глубокими южными корнями. Предки матери в XVIII в. покинули предгорья Пиренеев и поселились на равнине, занявшись торговлей текстилем. Семья отца обосновалась в Кастре вскоре после Французской революции, где посвятила себя ткацкому ремеслу. По обеим линиям родственники Жореса были типичными буржуа, которые за несколько десятилетий успели почти полностью забыть о своем происхождении. Они были слишком состоятельны и образованы, чтобы в домашнем обиходе использовать язык простонародья. Детей приучали изъясняться на правильном французском.

В пансионе и коллеже Кастра Жан и его брат осваивали язык Вольтера и Руссо, а также латынь и греческий – младших Жоресов готовили к столичной карьере. Жан считался лучшим учеником. В 1876 г. ему доверили почетную обязанность приветствовать от лица коллежа префекта департамента Тарн, на территории которого находился Кастр. Однако месяцы учебы в городе проходили, и дети на лето возвращались к родителям на ферму. Пасторальный Юг, населенный трудолюбивыми и добродушными людьми, был Жоресу по душе. Дни напролет он проводил в поле, общаясь с крестьянами. В этих молчаливых тружениках он увидел нечто большее, чем представителей необразованного простонародья, над которым посмеивались в Париже.

“Крестьянин серьезен, – отмечал Жорес. – Ему приходится много трудиться, расчитывать свои действия и вести себя осторожно с окружающими. Он не распыляет свой ум на остроумные шутки и пустяки; он пользуется им не как игрушкой, а как инструментом. Он не зубоскал и не фантазер; он не имеет понятия о том, что в городе называют байкой... [Крестьяне. – А.В.] привыкли действовать, а не мечтать”¹³. В крестьянском образе жизни и ментальности будущий лидер социалистов еще в молодости разглядел глубинное мировоззрение, которое разделяли миллионы французов, но о котором ничего не знали парижские политики.

Жорес еще в детстве освоил патуа. Уже став маститым государственным деятелем национального масштаба, приезжая на Юг, он говорил с местным населением на понятном ему языке. Речь не шла о попытке завоевать популярность. Для Жореса-социалиста новое справедливое общество должно было стать результатом пробуждения

⁹ *Gildea R. Children of the Revolution. The French, 1799–1914. London, 2009, p. 78.*

¹⁰ *Стендаль. Собр. соч., в 15-ти т., т. 13. М., 1959, с. 152.*

¹¹ *Michelet J. Histoire de France, t. 2. Paris, 1835, p. 71.*

¹² См. подробнее: *Lafont R. Le Sud ou l’Autre: La France et son Midi. Saint-Remy-de-Provence, 2004.*

¹³ *La Dépêche, 10.XI.1889.*

народных сил, природного разумного начала, скрытого в душе человека. В этом обществе не будет угнетения, ни экономического, ни культурного. В 1909 г., обращаясь на митинге к жителям южного городка Безье на родном ему окситанском языке, Жорес заявил: “Когда мы, сыновья несчастных мертвых, организуем социальную революцию, мы заговорим на патуа, чтобы возвестить нашим дорогим предкам, лежащим в могилах, что их потомки, наконец, счастливы и свободны”¹⁴.

Опыт общения с крестьянином Лангедока, угнетаемым, но уверенным в себе, для которого культурное доминирование Парижа было еще и социально-экономическим господством северного капитала, наложил неизгладимый отпечаток на будущего лидера французских социалистов. Его биограф М. Ребериу писала: “Одной из ипостасей Жореса был крестьянин, к башмакам которого прилипла земля”¹⁵. Вера в гений народа стала одним из основных факторов, повлиявших на раннее формирование социальных и политических взглядов Жореса. Он вспоминал, что еще в коллеже “был вдохновлен Республикой, в которой видел наиболее гуманный тип человеческого общежития”¹⁶.

Родители Жореса считали себя консерваторами, однако сельский Юг со времен революции 1848 г. стяжал славу региона, активно поддерживавшего республику. Историк М. Агюлон пояснял: “Южная Франция, отстававшая в развитии промышленности и торговли, стала территорией активного воспроизводства интеллектуальных элит и представителей юридического цеха”¹⁷. Эти люди быстрее всего проникались идеями свободы и равенства. Именно они после краха Второй империи и установления в 1875 г. Третьей республики вошли в общественную жизнь. Наиболее талантливые преподаватели коллежа в Кастре были республиканцами, и их влияние на подающего надежды ученика оказалось определяющим. Они подготовили молодого южанина к знакомству со столицей, где ему предстояло продолжить обучение.

Париж произвел на Жореса сложное впечатление. Он вдруг оказался в чужой социальной среде, которая совсем не походила на его Юг. Он привык к размеренному ритму быта своей малой родины, где общее прошлое и проживание на одной земле сплачивало людей, создавало им общие интересы. Столица была не такой. “Мне казалось, – писал Жорес, – что тысячи и тысячи незнакомых людей, проходивших друг мимо друга, неисчислимая толпа одиноких призраков, были лишены всякой взаимной связи. Я спрашивал себя с чувством обезличенного страха: как все эти существа соглашались с неравным распределением благ и невзгод, как эта огромная социальная структура не распадалась? Я не видел цепей на их руках и ногах... Однако я видел не все: цепи сковывали их сердца, но сердце не чувствовало тяжести этих цепей; скована была мысль, но она не отдавала себе в этом отчета”¹⁸.

Современное общество, с которым Жорес впервые столкнулся в Париже, казалось непонятным и глубоко несправедливым. Главный его порок – отсутствие у людей глубинного представления о единстве с окружающим миром. Эта проблема захватила будущего лидера социалистов. Он вплотную приступил к ее осмыслению уже учащимся престижной Высшей нормальной школы, куда поступил в 1878 г. Жорес выбрал специализацию по философии: ему явно не хватало языка, чтобы понять тот мир, который он видел вокруг себя. Как человек соотносится с окружающей его реальностью? Может ли он ее изменить? Есть ли в ней место идеальному общественному строю? В то время французские интеллектуалы искали ответы на эти вопросы в недрах неокантианства.

¹⁴ La Dépêche, 27.IX.1909.

¹⁵ Reberiou M. La Jeunesse de Jaurès (1859–1885). – Jean Jaurès. Cahiers trimestriels, № 140. Paris, 1996, p. 14.

¹⁶ La Dépêche, 6.XI.1890.

¹⁷ Agulhon M. La légende du Midi rouge. – <http://www.histoire.presse.fr/dossiers/portrait-historique-de-la-france-du-sud/la-legende-du-midi-rouge-01-06-2001-6211>

¹⁸ Jaurès J. L'Armée Nouvelle. Paris, 1915, p. 365.

Последователи Канта полагали, что вся социальная реальность есть конструкция, созданная человеческим разумом. Ни общество, ни природа, ни сам космос не являются объективно существующими категориями. У каждого человека есть свой мир, и примирить миллионы этих миров можно лишь в идеальных условиях торжества категорического императива. Этот тезис был отправной точкой философского поиска Жореса, который начался в стенах Высшей нормальной школы и окончился 10 лет спустя написанием философской диссертации “О реальности чувственного мира”. Если неокантианцы правы, то тысячи тех незнакомых и неинтересных друг другу людей, которых он видел на улицах Парижа, действительно не имеют никакой взаимной связи. Вся сущность Жореса восставала против этой мысли. Ребенком он верил в бога. Впоследствии он отошел от католицизма, но убеждение в том, что жизнь человека предопределена, что существует нечто, что объединяет всех живущих на свете, пронес через всю жизнь.

В 1882 г. в письме к другу Жорес сформулировал свое философское кредо: “Внешний мир, хотя он осознается и преобразуется нашим мозгом, имеет собственные независимые формы за пределами нашего сознания”¹⁹. Мир един. В нем нет разделения на объективное и субъективное, чувственное и опытное, реальное и идеальное, материальное и духовное. Дилемма “свобода воли или объективистский детерминизм”, которая противопоставила неокантианцев и позитивистов, не имеет смысла. Человек свободен в объективных рамках, заданных всеобъемлющей вселенной. Он неотделим от природы, общества, духовной сферы. Даже христианство для Жореса партикулярно: “Идея, что отдельный индивид, подчиняющийся законам пространства и времени, может быть абсолютным, абсурдна”²⁰. Христос не был богом. Бог вокруг нас. Божественна сама вселенная. В своей приверженности идее единства Жорес практически примыкает к Гегелю. Однако он не диалектик: в будущем это обусловит его особое понимание марксизма. Он отвергает идею наличия в Едином борющихся противоположностей. Жорес, скорее, пантеист, как Спиноза или Гёте.

Со временем эта философская модель приобрела политические очертания. Ее воплощением была республиканская форма правления – единственная, по мнению Жореса, способная объединить самых разных людей и их интересы вокруг общего экзистенциального начала. В качестве новой религии зародился жоресовский социализм. “Когда социализм восторжествует, – напишет Жорес в 1890 г., – люди лучше поймут вселенную. Ибо они увидят в человечестве торжество совести и разума, они быстро почувствуют, что вселенная, из недр которой вышло человечество, не может по своей сути быть жестокой и темной. Везде есть разум и душа. Сама вселенная есть лишь мощное и стихийное движение к порядку, красоте, свободе и добру”²¹. Мир добр и прекрасен, а социализм – квинтэссенция всего лучшего, что в нем есть. От этой идеалистической установки Жорес никогда не отступит. Он принесет ее в политику и попытается реализовать на практике, собрав вокруг себя мощное общественное движение.

В 1881 г. Жорес окончил Высшую нормальную школу с третьим результатом, пропустив вперед своего однокурсника и извечного оппонента А. Бергсона. Перед будущим лидером социалистов встал вопрос о выборе дальнейшего пути. Можно было остаться в Париже и попытаться сделать столичную карьеру. Для этого имелись все шансы. Но Жорес предпочел вернуться домой. Другам он сказал, что хочет быть ближе к родителям, но у него, очевидно, имелся и другой мотив. Биографы считают, что его выбор “может отражать некоторое смущение и желание в период внутреннего смятения находиться ближе к тем местам, которые он знал и где чувствовал

¹⁹ Lévy-Bruhl L. Op. cit., p. 173.

²⁰ Jaurès J. La question sociale, l'injustice du capitalisme et la révolution religieuse. – http://www.jaures.info/dossiers/dossiers.php?val-57_la+question+sociale+linjustice+capitalisme+revolution+religieuse+1891

²¹ La Dépêche, 15.X.1890.

себя уверенно”²². Огромному Парижу Жорес предпочел живописный провинциальный Альби, вошедший в историю как один из центров средневековой ереси катаров-альбигойцев.

Четыре года, проведенные Жоресом в Альби в должности преподавателя лицея, а затем в Тулузе в качестве сотрудника местного университета стали временем превращения философа в политика. Жорес пришел к мысли, что логическое развитие его философской доктрины лежит в сфере политики. В Париже он осознал, что окружающий мир несправедлив, и объяснил себе, в чем именно. Академический философ на этом, вероятно, остановился бы. Но только не Жорес. Летом 1882 г. он написал другу: “Если тебе удалось добраться до глубинного смысла вселенной, нужно обязательно возвращаться на бушующую и волнующуюся поверхность”²³.

Политическую “поверхность” Франции в это время, действительно, штормило. На далекий Юг до Жореса долетали лишь отзвуки тех бурь, которые сотрясали столицу. Не прошло и трех лет с того момента, как республиканское большинство парламента вынудило уйти в отставку президента П. Мак-Магона, бывшего маршала Наполеона III, консерватора, пытавшегося восстановить в стране монархию. У власти закрепились умеренные республиканцы во главе с Ж. Ферри. Они медленно укрепляли позиции республики: возвращали свободы, ограниченные в период правления консерваторов, восстановили в 1880 г. празднование дня взятия Бастилии. Однако все это происходило под непрекращающейся канонадой слева. Республиканцы-радикалы и их лидер Ж. Клемансо беспощадно критиковали правительство в парламенте, считая его действия нерешительными полумерами, закамуфлированной реакцией и презрительно называя умеренных сторонников республики оппортунистами²⁴.

Консерваторы потерпели поражение, но не считали, что проиграли войну. Вернувшись в свои поместья, где они имели мощное влияние на местное население, аристократы готовились взять реванш. В преддверии парламентских выборов 1885 г. родной для Жореса департамент Тарн стал одной из арен этого противостояния. Сторонники республики схлестнулись с дворянами-латифундистами, владельцами шахт и виноградников. Жореса в лагерь республиканцев привели единомышленники по Тулузскому университету. Его глубокая симпатия к простонародью оказалась важным электоральным преимуществом: “Он оказался в своей стихии, в связи со своей землей, заботясь лишь о том, чтобы народ слушал его, а не восхищался им, разинув рот. За несколько недель он познал местную политику с ее особой атмосферой, которая легко провоцировала бури и конфликты”²⁵.

Жоресу сопутствовал успех – его избрали уже в первом туре голосования, и в возрасте 26 лет он стал самым молодым депутатом французского парламента. В зал заседаний Бурбонского дворца вошел еще вчерашний философ, которого тянуло в политику, но который плохо ее понимал. Коллеги отмечали его красноречие: на фоне таких мастеров слова, как Клемансо, это дорогого стоило. Однако одного таланта говорить в бурной стихии французской политики периода ранней Третьей республики было мало. Без умения ориентироваться в постоянно меняющейся ситуации, корректировать собственные взгляды, вступать во временные альянсы, при этом всегда находясь на передних позициях, перспективы в ней оставались закрытыми.

Жорес в 1885 г. не обладал ни одним из этих качеств. Он пытался действовать сообразно своим философским взглядам, но получалось у него неубедительно. В выступлениях он поднимал важные, но мало трогавшие парламентарских политиков темы помощи низшим слоям населения. По ключевым политическим вопросам Жорес мог лишь присоединиться к позиции умеренных республиканцев-оппортунистов и их лидеру Ж. Ферри, вплоть до одобрения кредитов на военные кампании в колониях. Свой

²² Candar G., Duclert V. Op. cit., p. 79.

²³ Lévy-Bruhl L. Op. cit., p. 168.

²⁴ Mayeur J.-M. La vie politique sous la Troisième République. Paris, 1984, p. 89.

²⁵ Rioux J.-P. Op. cit., p. 62.

идеал единства он решил воплотить буквально, остро критикуя радикалов и лично Ж. Клемансо за их политику раскола республиканского лагеря. Однако идеализм из раза в раз сталкивался с прозой политической жизни. Те же оппортунисты не упускали возможности блокироваться с правыми ради получения сиюминутных дивидендов. Генерал Ж. Буланже, который в 1886 г. занял пост военного министра и поначалу привлекал Жореса демократизмом своих взглядов, оказался опасным авантюристом, угрожавшим самому существованию республики.

Молодой депутат потерялся в водовороте французской политики. С оппортунистами он разошелся. Их временные союзы с правыми, писал Жорес, “представляли собой коалицию электоральных интересов против всеобщего избирательного права, коалицию классовых интересов против демократии”²⁶. С радикалами после всех столкновений он так до конца не сблизился. Что же касается мощного буланжистского движения, которое увлекло за собой многих республиканцев, то Жорес, в конце концов, понял, что оно уводит вправо, к полному отказу от республики. “Вы не получите меня”, – такую отповедь он дал всем тем, кто видел его в рядах сторонников генерала²⁷.

Людам с твердыми принципами подчас трудно найти себя в политике. Эта участь постигла и Жореса. В 1904 г. он констатировал: “В парламенте созыва 1885 г. я остался в полном одиночестве”²⁸. Очередные выборы 1889 г. Жорес проиграл. Он уступил тем самым дворянам-землевладельцам, которых обошел четырьмя годами ранее. Первое хождение во власть не удалось, но проигравший депутат, казалось, не считал, что понес большую потерю. Он вернулся к преподаванию в Тулузском университете, расширил сотрудничество с местной газетой “Депеш”, для которой с 1887 г. писал статьи, продолжил философские изыскания и, наконец, занялся семьей. Еще в 1886 г. Жорес женился, однако до сих пор политика отнимала все его время. Казалось, что теперь семейной жизни ничего не помешает.

В Тулузе Жорес начал читать большой курс открытых лекций по философии, чем завоевал большую популярность. Вскоре его избрали членом муниципального совета, где бывший депутат занялся вопросами развития народного образования. Он все более явно тяготел к республиканцам-радикалам и все жестче выступал против умеренных оппортунистов. Критиковать парламентских политиков было за что: пройдя выборы 1889 г., они погрузились в бескомпромиссную борьбу за власть и выяснения отношений. Не успели отгреть бои против сторонников генерала Буланже, как Францию потряс скандал вокруг финансирования строительства Панамского канала. Для изыскания средств концессионеры использовали коррупционные схемы, в которые оказались замешаны видные политики общенационального масштаба. Противостоящие партии использовали кризис для сведения политических счетов.

Наблюдая за всем этим из Тулузы, Жорес не скрывал раздражения. Он указывал, что политика в парламенте сводится к “бизнесу” и утрачивает свой высший смысл²⁹. Ее истинные цели – совсем иные. С его точки зрения, она представляет собой “совокупность общих идей и благородных чувств, которые быстрее всего ведут к эффективным реформам <...>, направленным на реализацию абсолютной справедливости”³⁰. Абсолютная справедливость была важной частью идеи единства, сформулированной Жоресом-философом. Он находился в постоянном поиске тех форм, в которые она могла бы воплотиться в общественной жизни. Радикалы, наиболее последовательные сторонники республиканских идей 1889 г., в какой-то степени воплощали ее, однако при всем своем демократизме они были далеки от народных масс. Как сформулировать этот единый народный интерес? Как совместить в нем противоположные требования и взгляды различных социальных групп? И главное – как выразить его на языке

²⁶ La Dépêche, 3.XII.1887.

²⁷ La Dépêche, 1.IV.1888.

²⁸ Jaurès J. Discours parlementaires. Paris, 1904, p. 178.

²⁹ La Dépêche, 1.I.1890.

³⁰ La Dépêche, 23.I.1890.

политики? Жорес постепенно приходил к мысли о том, что ответы на эти вопросы предполагают создание новой идейно-политической конструкции.

Главными оппонентами Жореса в муниципальном совете Тулузы были депутаты “от станка”. Эти вчерашние рабочие говорили о том, что пролетариат и его интересы имеют первоочередное значение и местная власть должна неизменно на них ориентироваться. В поддержку своих требований они нередко ссылались на труды К. Маркса. Жорес с трудом парировал их нападки: он сам находил в марксизме глубокий смысл. Его привлекала тотальность марксовой модели. Диалектический материализм, с точки зрения Жореса, логично дополнял идеалистический монизм, высвечивая одну из его важных сторон – экономические отношения между людьми.

“Смысл экономического материализма состоит в том, – отмечал Жорес, – что человек не получает идею справедливости в готовом виде из глубин своего мозга, а видит в ней отражение экономических отношений производства”³¹. Материалистический компонент марксизма помогал Жоресу преодолеть субъективизм неокантианцев, обосновать априорное существование между всеми людьми прочной связи, которая объединяет их в единство высшего порядка. Этот материализм, с его точки зрения, нисколько не противоречил идеализму. “Разве сам Маркс, – вопрошал он, – не привносит в свою концепцию истории идею, понятия идеала, прогресса, справедливости?.. Он показывает, что в коммунистическом обществе будут, наконец, преодолены классовые противоречия, которые обескровливают человечество”.

Однако, принимая философскую составляющую марксизма, Жорес отвергал его политический компонент. Классовая борьба, экспроприация буржуазии, диктатура пролетариата – все это он отрицал либо трактовал как метафоры. Ему претила идея насильственного захвата власти, путь к которой, по его убеждению, лежал через “методичную и легальную организацию сил трудящихся в условиях демократического режима и всеобщего избирательного права”. Революция в том виде, в каком ее понимали адепты идеи диктатуры пролетариата, разрушала единство социального мира, ставила одни социальные группы над другими. Цель же состоит в том, чтобы воссоздать общественную ткань через реализацию идеи справедливости.

Несовершенное общество отчуждает людей друг от друга, генерируя тем самым бедность, вражду и необразованность. Эту ситуацию необходимо изменить. Задача, таким образом, стоит в том, чтобы, «с одной стороны, лишить бездушных доктринеров и догматиков, мечтающих о классовой борьбе и революции, монополии на социалистическую идею, а с другой – убедить “большую республиканскую партию” в том, что она сможет сохраниться лишь в том случае, если будет заботиться об обездоленных и эксплуатируемых»³². Развитие политической мысли Жореса вело его к социализму, но какому-то новому социализму, о котором пока никто не говорил. Еще несколько лет назад его идеи в стенах парламента звучали неубедительно. Однако наступало новое время, которое резко поменяло размеренную жизнь тулузского философа.

Л.Д. Троцкий, автор одного из наиболее ярких очерков личности Жореса, утверждал, что “по складу, по размаху своей натуры Жорес рожден для эпохи большого прилива”³³. Партийная борьба и дележ власти, наступившие сразу после окончательного утверждения французских республиканцев у власти, были не его стихией. Оказавшись в ее власти, он быстро потерял себя. Однако уже через 10 лет после первого хождения во власть ветер истории неожиданно подул в его паруса. Со времени основания Третьей республики в 1875 г. социальный вопрос имел в глазах французского политического класса второстепенное значение. Куда важнее казались политические сюжеты: борьба против консервативной реакции, клерикализма, правого популизма, олицетворенного Буланже, забота о светском школьном образовании. Неожиданный рост рабочего дви-

³¹ *Idéalisme et matérialisme dans la conception de l'histoire. Conférence de Jean Jaurès et réponse de Paul Lafargue. Lille, 1901, p. 5.*

³² *Rioux J.-P. Op. cit, p. 78.*

³³ *Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 20.*

жения, которое подстегнул экономический кризис 80–90-х годах XX в., оказался тем вызовом, на который Третья республика не смогла адекватно ответить.

1 мая 1891 г. французы впервые отмечали день солидарности трудящихся. В небольшом городке Фурми на северо-востоке страны манифестации рабочих окончились трагедией: правительственные войска открыли огонь, в результате чего погибли 9 человек. “Расстрел Фурми” прогремел на всю страну и лишь ускорил процесс быстрого формирования во Франции организованного рабочего движения. Существовавшая с 1882 г. Рабочая партия во главе с Ж. Гедом и зятем К. Маркса П. Лафаргом быстро превращалась в силу общенационального масштаба. В 1890 г. она провела масштабную кампанию в поддержку введения в стране 8-часового рабочего дня³⁴. В 1892 г. во Франции возникла Федерация бирж труда, придерживавшаяся анархо-синдикалистской ориентации и выбросившая лозунг проведения всеобщей стачки. Пока разрозненные, но пользующиеся все большей поддержкой социалисты готовились к участию в парламентских выборах 1893 г.

Волна рабочего движения докатилась и до родного для Жореса южного департамента Тарн. В мае 1892 г. шахтеры городка Кармо, еще в недавнем прошлом верный электорат местного депутата-землевладельца, произвели сенсацию локального масштаба, избрав мэром простого рабочего Ж.-Б. Кальвиняка. Администрация шахты тут же его уволила, чем спровоцировала полуторамесячную стачку, имевшую общенациональный резонанс. Правительство послало в Кармо войска, но на стороне бастовавших выступил ряд столичных политиков-радикалов, а в Тулузе их активно поддержал Жорес, который своими статьями в “Депеш” привлек к ним внимание общественного мнения.

В конечном итоге шахтеры одержали победу: их мэру предоставили отпуск с сохранением рабочего места. В знак протеста против этого местный депутат-аристократ отказался от своего мандата. Местным жителям вновь предстояло выбрать себе представителя в парламенте. Социалисты Тарна выдвинули своим кандидатом Жореса: он показал себя последовательным защитником трудящегося населения департамента и, кроме того, уже имел политический опыт. Его кандидатура проходила не без трудностей. Ряд местных профсоюзных деятелей видели в нем буржуа, чуждого интересам пролетариата³⁵. Но Жоресу сопутствовала удача. В январе 1893 г. он вновь стал депутатом французского парламента.

“САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ”

После восьми лет жизни в провинции Жорес вернулся в Париж. “Ни моя доктрина, ни мой общий настрой не изменились, – вспоминал он. – Изучение философских конструкций и систем социализма, практически неизменное ощущение суетности и второстепенности парламентской политики, если она не имеет своей целью полное изменение общества, отвращение к той недостойной жизни, которую сегодня влечат люди, необходимость усовершенствования человека и общества... – все это привело меня к социализму”³⁶. Годы, проведенные вдали от Парижа, по собственному признанию Жореса, стали для него решающими. Его идеал не просто не померк в провинциальной рутине, но стал еще выше. Выше настолько, что в жертву ему можно было принести многое. В том числе вновь окунуться в темные воды французской политики. Л.Д. Троцкий писал о Жоресе: “На службе идее, которая владела им, он с одинаковой страстью способен был применять и самые оппортунистические, и самые революционные средства, и если эта идея отвечала характеру эпохи, он способен был достигнуть таких результатов, как никто”³⁷.

³⁴ См. подробнее: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции. 1893–1905: (гедисты). М., 1969.

³⁵ *Candar G., Duclert V.* Op. cit., p. 160.

³⁶ *Le Figaro*, 14.IX.1897.

³⁷ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч., с. 29.

Жорес больше не испытывал иллюзий по поводу своих коллег по парламенту. Еще недавно он считал, что “любой республиканец является социалистом”. Реалии эпохи убеждали в обратном. Время, когда французские республиканцы сотрясали устои, безвозвратно ушло. Буланжистский кризис окончательно убедил их в том, что они стали правящей силой в стране и должны защищать сложившийся статус-кво от нападков как справа, так и слева. Вчерашние борцы с консерватизмом и реакцией быстро превращались в охранителей, готовых ради сохранения политической стабильности идти на соглашения даже со своими бывшими противниками. В 1892 г. папа римский Лев XIII выпустил энциклику “*Inter Sollicitudines*”, которая положила начало движению французских правых, монархистов и католиков в сторону умеренной республики. Франция вступала в завершающую фазу постреволюционной общественной трансформации, которая приводила к формированию прочного центристского большинства³⁸.

Однако своеобразие исторического момента было в том, что этот процесс шел в стране с богатыми революционными традициями и пустившим глубокие корни политическим нонконформизмом. Смещаясь в центр, республиканцы оставляли после себя обширное левое поле, которое во Франции неоднократно становилось питательной средой для формирования мощных оппозиционных сил. Если добавить к этому фактор быстрой активизации социального протеста, то станет понятно, что Жорес с его беззаветным идеализмом и огромным даром слова в 1893 г. оказался в нужное время в нужном месте. В стенах Бурбонского дворца он сразу занял место слева и не ошибся. Для него началась “эпоха большого прилива”.

Жорес сразу с головой окунулся в политическую борьбу. Он отказался от вхождения в какую-либо фракцию и сколотил вокруг себя группу единомышленников. На выборах 1893 г. в парламент впервые в значительном количестве прошли депутаты социалистической ориентации. Два десятка из них сформировали отдельную группу, неформальным лидером которой стал Жорес. Его первый громкий выход на сцену произошел в ноябре 1893 г., когда с трибуны парламента он выступил с манифестом нового общественно-политического движения. Его главная мысль была настолько сильна, что казалась оппонентам нелепой. Социализм, доказывал Жорес, несет историческую миссию защиты республики от нее самой: от курса на соглашение с консерваторами и католиками, от политики подавления рабочего и профсоюзного движения.

Но самое главное – социализм должен полностью реализовать республиканский лозунг, добившись торжества социальной справедливости. “Социалистическое движение вышло из республиканских институтов, введенного вами светского образования и утвержденного вами рабочего законодательства. Но в то же время он во все большей степени является порождением экономических условий, которые развиваются в этой стране уже 50 лет”, – констатировал Жорес³⁹. Быть большим республиканцем, чем сами республиканцы? Многие решили, что Жорес хочет казаться святее папы римского. Его выступление прерывали иронические смешки из центра и правой части зала заседаний. Декларация социалистов прозвучала в форме резкой нападки на умеренный кабинет министров Ш. Дюпюи, и не все восприняли этот демарш свежее испеченных депутатов всерьез. Но уже скорое будущее показало, что Жореса и его соратников не стоит недооценивать.

В 1892–1894 гг. Францию захлестнула волна анархистского террора, апофеозом которой стало убийство в июле 1894 г. президента страны С. Карно. На насилие правительство ответило насилием. В парламент были внесены законы, которые предлагали расширение полномочий полиции и частичное ограничение публичных свобод. С легкой руки левых политиков и прессы эти законы получили известность как “злodeйские”. В июле 1894 г. Жорес обрушился на правых, поддержавших репрессивное законодательство: “Ваш закон будет пристально, неотрывно и всесторонне следить за со-

³⁸ L’Invention de la démocratie. 1789–1914. Paris, 2008, p. 359.

³⁹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 22.XI.1893.

вестью всех и каждого, и под предлогом сохранения моральной чистоты вы установите в стране самую странную тиранию из всех, которые она переживала”⁴⁰. Жорес не жалел власть предержащих. В ноябре 1894 г. в стенах суда он выступил в защиту журналиста, на страницах газеты высмеявшего президента республики Ж. Казимир-Перье. Лидер социалистов не стеснялся в выражениях. Председатель суда попытался его урезонить: “Вы заходите слишком далеко... Вы сравниваете дом президента республики с публичным домом!” Но Жорес парировал: “Я не сравниваю, а ставлю его ниже этого”⁴¹.

Через год – новое противостояние, снова в Кармо. Борьба рабочих против местных предпринимателей, которые являлись в одном лице и аристократами, и капиталистами, не окончилась с избранием Жореса в парламент. Летом 1895 г. разгорелась забастовка работников стекольного производства, в ответ на которую предприниматели объявили локаут. Ни одна сторона не хотела уступать, но Жорес нашел выход. Он инициировал кампанию по сбору средств в пользу стеклодувов. Полученная сумма позволила им начать работы по созданию акционерного общества – стеклодувной фабрики, владельцами которой были сами рабочие. 25 октября 1896 г. уникальное предприятие открылось в окрестностях Альби. Лидер социалистов выступил с торжественной речью: “Вокруг нас... весь мир с его заводами, которые на самом деле являются тюрьмами, развлечениями, заставляющими людей плакать, церквями, откуда бы выгнали самого Иисуса, если бы он решил в них проповедовать! В этом всеми забытом краю вы, граждане, возвели храм, который в памяти человечества навсегда останется колыбелью свободы!”⁴² Стекольный завод Альби, основанный при активном участии Жореса, существует до сих пор.

Лидер социалистов стал самостоятельной политической фигурой. Если в годы своего первого депутатского срока по основным политическим вопросам он шел в кильватере большинства, то теперь он сам задавал повестку дня. Правая пресса недоумевала по поводу его взглядов и политического стиля. «Разве не видели мы вчера с удивлением, – вопрошала газета “Тан” на следующий день после открытия фабрики в Альби, – как господин Жорес, образование которого вообще не предполагает подобного поведения... под конец мероприятия забрался на пустой банкетный стол и что мочи пропел куплеты “Карманьолы”, песни, более популярной в пригородных кабаках, чем в стенах Высшей нормальной школы?»⁴³ Общественное мнение привыкло к тому, что об интересах трудящихся говорят люди из их же среды или те, кто осознанно старался соответствовать их культурному облику. Жорес же был типичным буржуа. Тот факт, что он не только позиционировал себя представителем простонародья, но еще и запросто общался с людьми из низов, неприятно смущал.

Между тем “этот тучный человек с красным лицом нормандского крестьянина” и с “хитроватыми мужицкими глазами”⁴⁴, который всем своим образом воплощал непонятный для бомонда синтез городской буржуазной Франции и Франции “коренной”, сельской, быстро завоевал славу одного из наиболее выдающихся ораторов своего времени. Л.Д. Троцкий, наблюдавший Жореса вблизи в годы парижской эмиграции, так описал свои впечатления от его выступлений: «На трибуне он кажется огромным, а между тем он ниже среднего роста. Коренастый, с туго сидящей на шее головой, с выразительными, “играющими” скулами, с раздувающимися во время речи ноздрями, весь отдающийся потоку своей страсти – он и по внешности принадлежит к тому же человеческому типу, что Мирабо и Дантон. Как оратор, он несравним и несравнен... Всякий говорящий француз говорит хорошо. Но тем труднее французам быть великим оратором. А таков Жорес»⁴⁵. Голос лидера парламентских социалистов уже звучал достаточно громко, чтобы быть услышанным в самых отдаленных уголках.

⁴⁰ Jaurès J. Discours parlementaires, p., 759.

⁴¹ La Petite République, 8.XI.1894.

⁴² Цит. по: Rioux J.-P. Op. cit, p. 95.

⁴³ Le Temps, 26.X.1896.

⁴⁴ Луначарский А.В. Указ. соч., с. 66, 70.

⁴⁵ Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 19.

Он колоколом разнесся по стране в июле 1898 г. Франция второй год спорила о судьбе осужденного капитана генерального штаба А. Дрейфуса. Опального военного приговорили к каторге по обвинению в шпионаже в пользу Германии, однако через несколько лет после решения суда начали появляться указания на то, что его сознательно оклеветали. Французский офицерский корпус, оплот консерватизма, нашел в его лице козла отпущения: капитан, еврей по национальности, должен был отбыть наказание за преступление, которого не совершал⁴⁶. На первых порах дело Дрейфуса мало заинтересовало общественное мнение: слишком сильна была ненависть к Германии после поражения во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Национальность Дрейфуса также наводила на него подозрения. В евреях видели представителей коррумпированных республиканских элит и олицетворение крупного капитала. Сам Жорес позволял себе юдофобские высказывания. “Мы удивлены тем, какие значительные силы мобилизовало еврейство, чтобы спасти одного из своих... Дрейфус продавал документы за деньги, – вот и все”, – негодовал лидер социалистов по поводу мягкости приговора, вынесенного опальному офицеру⁴⁷.

По мере того, как появлялись все новые указания на то, что Дрейфус невиновен, французская общественная жизнь закипала. С военными солидаризировалось большинство умеренных республиканцев, составивших политический класс Третьей республики. Левые в парламенте ставили под сомнение приговор суда и с высокой трибуны требовали его пересмотра. Ответ на их вопросы в декабре 1897 г. в стенах Бурбонского дворца озвучил председатель совета министров Ж. Мелен: “Дела Дрейфуса не существует. Его нет сейчас, и не может быть в принципе”⁴⁸. Сложившийся в рамках “консервативной республики” политический консенсус не допускал возможности публичной критики одной из его опор – армии и офицерского корпуса. Считалось, что стабильность режима, внутренний мир важнее, чем судьба одного отдельно взятого человека.

Подобная точка зрения была серьезным вызовом всему тому, за что боролся Жорес. Отступление республики от собственных принципов, возникших в годы Французской революции конца XVIII в. и записанных в Декларации прав человека и гражданина, раньше проявлялось в “злодейских законах”, борьбе против рабочего движения и теперь облеклось в очевидные формы. Все те, кто до сих пор критиковал умеренных республиканцев с левых позиций, объединились в мощное движение дрейфусаров. Их цель заключалась не только в реабилитации Дрейфуса. Фактически они ставили под сомнение систему власти, сложившуюся во Франции после 1875 г. Движение, возникшее на поле, которое в свое время оставили оппортунисты, грозило опрокинуть созданную ими политическую систему. Для Жореса наступил апогей всей его предыдущей работы.

Когда речь зашла о большой политике, лидер социалистов полностью поменял свою позицию. “Мне не известно, виновен Дрейфус или нет, – писал он. – Нет, вопрос не в этом. Речь идет о том, чтобы понять, допустимо ли, чтобы военные судьи под любым предлогом, <...> без всяких законных гарантий хватали и карали гражданина, кем бы тот ни являлся”⁴⁹. Вопрос для него перешел в другую сферу. Под прицелом оказалась армия – “реакционная сила”, на которую возлагали свои главные надежды “привилегированные классы, рассчитывавшие остановить народное движение”. История давала социалистам шанс нанести удар по умеренному большинству, которое “искажало” республиканские принципы, а их лидеру – реализовать его политическую программу, основанную на философском идеализме. В разгар дела Дрейфуса вокруг Жореса сложилась группа единомышленников, которая в будущем станет авангардом французских левых сил: Л. Блюм, Р. Вивиани (оба в будущем – премьер-министры),

⁴⁶ О деле Дрейфуса см.: *Winock M. La Fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques. 1871–1968. Paris, 1986.*

⁴⁷ *La Dépêche*, 24.XII.1894.

⁴⁸ *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés*, 5.XII.1897.

⁴⁹ *La Petite République*, 27.XI.1897.

А. Мильеран (президент Франции в 1920–1924 гг.), А. Франс и Ш. Пеги и другие. По одну сторону баррикад с ним окажется и Ж. Клемансо, в прошлом его оппонент по парламентским дискуссиям. Эти два столь разных человека объединят усилия для атаки на систему, которую оба считали несправедливой. Однако скоро их пути вновь разойдутся.

Блокировавшееся с консерваторами умеренное большинство упорно защищалось. В январе 1898 г. Э. Золя выступил в поддержку Дрейфуса с манифестом “Я обвиняю!” По настоянию правых депутатов парламента против Золя было начато судебное разбирательство, которое завершилось вынесением обвинительного приговора. Одновременно по всей стране шла массовая мобилизация националистов-антидрейфусаров, которые вступали в столкновения с полицией. Армия не собиралась сдаваться. 7 июля 1898 г. военный министр Г. Кавеньяк представил в стенах палаты депутатов новые письменные улики против Дрейфуса, которые, как казалось, ставили крест на деле дрейфусаров. Л. Блюм вспоминал: “Все было поставлено под вопрос. Уже выигранное дело казалось вновь проигранным. Возведенная с таким трудом и смелостью конструкция рушилась”⁵⁰.

В это время Жорес оправлялся от очередного электорального фиаско. На майских выборах в парламент он потерпел поражение от своих старых оппонентов в департаменте Тарн, которым удалось мобилизовать националистические настроения, вызванные к жизни делом Дрейфуса. Лидер социалистов поселился в загородном доме недалеко от Альби и полностью посвятил себя борьбе за реабилитацию Дрейфуса. За несколько недель в августе он написал небольшую книгу – новый манифест дрейфусаров с говорящим названием “Доказательства”.

Созданные с большим писательским талантом, проникнутые духом неумолимой логики, “Доказательства” утверждали, что “улики” Кавеньяка – всего лишь подделка, а весь процесс Дрейфуса от начала и до конца режиссирован армейским командованием. Жорес вложил в них весь свой потенциал блестящего мастера слова и острого полемиста. Его небольшая брошюра полностью поменяла расстановку политических сил в стране. Общественное мнение получило новый мощный довод в поддержку Дрейфуса. Не выдержавший публичного давления офицер генерального штаба, сфальсифицировавший улики, открыто признался и тем самым выдал всю закулисную игру антидрейфусаров. С этого момента события развивались по благоприятному для Дрейфуса сценарию, и в октябре 1899 г. он был помилован.

“В деле Дрейфуса, – писал Л.Д. Троцкий, – Жорес обнаружил себя во весь рост”⁵¹. Он начал свою борьбу со статуса видного парламентского политика, а закончил как один из первых трибунов страны. Успешное для дрейфусаров разрешение кризиса привело к изменению всего политического пейзажа. Блок умеренных республиканцев и консерваторов распался. Сама идея того, что любой устойчивой политической системе необходима консервативная составляющая, которую, как правило, обеспечивают правые партии, оказалась в значительной степени дискредитированной. Третья республика окончательно стала левой. В перспективе это имело серьезные последствия: победа дрейфусаров еще сильнее девальвировала представление о политическом компромиссе, чем открыла широкое поле деятельности для левых сил, апеллировавших к революционной традиции⁵². Для Жореса наступил период политического взлета, который, по замечанию Л.Д. Троцкого, превратил его в “самого большого человека Третьей республики”.

Контрнаступление дрейфусаров было быстрым и решительным. В 1899 г. при их активном участии образовалось т.н. правительство республиканской защиты во главе с П. Вальдек-Руссо. Оно провело масштабную чистку армии и государственного аппарата, а также приостановило деятельность националистических лиг, активизировавшихся в 1897–1898 гг. Жорес активно поддержал эти действия. Он считал, что речь идет об окончательном очищении республики. В июне 1899 г. он поддержал вхожде-

⁵⁰ Blum L. Souvenirs sur l’Affaire. Paris, 1935, p. 143.

⁵¹ Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 23.

⁵² L’Invention de la démocratie. 1789–1914, p. 399.

ние своего единомышленника А. Мильерана в состав кабинета с должностью министра торговли и промышленности.

Однако это событие нанесло мощный удар по позициям Жореса в рядах французского социалистического движения. К концу XIX в. оно представляло собой довольно рыхлое и пестрое образование. Анархо-синдикалисты соседствовали в нем с твердыми марксистами из лагеря сторонников Геда, контролировавшими промышленные департаменты севера, “поссибилистами” П. Брусса, выступавшими за постепенные преобразования на местном уровне, и последователями О. Бланки, пользовавшимися поддержкой парижских рабочих. На их общем фоне группировка, возглавляемая Жоресом, – независимые социалисты, – выглядела довольно слабой. Ортодоксальные марксисты смотрели на нее с подозрением: ее члены в массе своей представляли круги городской буржуазии, чуждой труду у станка и в поле.

В разгар дела Дрейфуса социалисты выступили с обращением к французским рабочим, призвав их не поддерживать ни один из противоборствующих лагерей буржуазии: “Пролетариату нечего делать в этой драке... Смысл имеют только классовая борьба и социальная революция”⁵³. Активная борьба Жореса за реабилитацию Дрейфуса не вызывала больших возражений: в конце концов, его оппонентами были еще более опасные “классовые враги”. Но вхождение социалиста А. Мильерана в состав буржуазного правительства, более того, вместе с генералом Г. де Галиффе, одним из “палачей” Парижской Коммуны, не могло не спровоцировать острую дискуссию среди социалистов.

Объединение французского социализма в рамках одного движения было заветной мечтой Жореса. Его приверженность идее всеобщего единства, зародившейся в лоне философской рефлексии, требовала конкретного политического воплощения. Но у нее имелся и практический смысл: Жорес “хотел найти ответ на серьезный вызов эпохи масс <...>, создать тесную связь между ответственными работниками, избранниками, представителями и демократией, массой избирателей”⁵⁴. В главных странах Европы к этому времени функционировали мощные социалистические рабочие партии, крупнейшие и наиболее организованные из них – в Германии и Великобритании. Во Франции же имелся неоднородный конгломерат социалистических группировок, находившихся в сложных взаимоотношениях друг с другом.

Примирить имевшиеся между ними идеологические и политические расхождения было нелегко. В 1901 г. принятый по инициативе правительства Вальдек-Руссо закон об ассоциациях разрешил формирование в стране политических партий. Собственными партиями обзавелись бывшие умеренные республиканцы, как поддержавшие Дрейфуса, так и выступившие против него, радикалы, неформальным лидером которых являлся Ж. Клемансо. Социалисты же раскололись на две организации. Вокруг Жореса оформилась Французская социалистическая партия, выступавшая за единство действий с другими политическими силами республиканской ориентации, поддерживавшая участие А. Мильерана в правительстве и делавшая акцент на реформировании существующей социально-экономической системы. Гед и его сторонники образовали альтернативную организацию – Социалистическую партию Франции, основанную на марксистских идеях классовой борьбы и жестко выступавшую против любого участия социалистов в работе буржуазных правительств.

Парламентские выборы 1902 г., казалось, подтвердили правоту взглядов Жореса. 36 его сторонников прошли в палату депутатов, в то время как избранная гедистами линия на самоизоляцию позволила им провести в парламент всего 11 своих представителей. Жоресисты приняли активное участие в формировании коалиции. Правительство Вальдек-Руссо сменилось кабинетом радикала Э. Комба, который взял решительный курс на борьбу с клерикализмом и остатками консервативной фронды в армии. Социалисты, дабы не разжигать и без того тлеющий огонь междоусобной борьбы, сочли за благо воздержаться от прямого участия в работе министерств и ограничиться

⁵³ Le Socialiste, 24.VII.1898.

⁵⁴ Candar G., Duclert V. Op. cit, p. 301.

парламентской поддержкой его правительства. Жорес, которого за его красноречие коллеги по парламенту прозвали Иоанном Златоустом, стал вдохновителем Левого блока и т.н. Делегации левых – депутатского объединения, которое координировало работу правительства⁵⁵.

В этом качестве он одобрил громкие антиклерикальные мероприятия Комба – запрет ряда католических конгрегаций, ограничение их права на преподавание, подготовку закона об отделении церкви от государства. В 1904 г. Жорес пришел на помощь главе правительства в ходе т.н. картонного дела. Оно разгорелось после того, как военный министр Л. Андре, республиканец и антиклерикал, с опорой на масонские ложи развернул в армии подпольную борьбу против офицеров-католиков. Речь шла о втором издании дела Дрейфуса, только знаки на этот раз поменялись местами: теперь консерваторов преследовали и во незаконном порядке дискриминировали за их взгляды⁵⁶. В октябре правительству грозила отставка. В тот самый момент ему на помощь со всей силой своего ораторского таланта пришел Жорес. Он доказывал, что реализуемая Комбом политика “восстановления республиканского духа в армии” гораздо важнее любых “перегибов”, и отправлять его в отставку в угоду “авантюристически настроенным цезаристам” стало бы крупной ошибкой⁵⁷. Правительство было спасено.

Жорес беззаветно отдался большой политике. Он по-прежнему не считал ее самоцелью. Власть сама по себе его не привлекала: он не принял министерский портфель в правительстве Левого блока, хотя вполне мог на него претендовать. Жорес по-прежнему смотрел на нее как на инструмент реализации социального идеала, который был настолько велик, что оправдывал любые политические комбинации, в том числе столь двусмысленные, как картонное дело. Однако ближайшие соратники лидера социалистов так не думали. Его товарищи по партии считали, что их руководитель слишком увлекся, что ради реализации частных реформ он закрывает глаза на огромные пробелы в социальной политике правительства. И здесь имелась доля истины. В 1903 г. север страны потрясла забастовка текстильных рабочих, вызванная ужасающими условиями жизни и труда. А. Мильеран, который отвечал за рабочий вопрос в правительстве Вальдек-Руссо, оказался под огнем острой критики. Жорес не смог спасти соратника в 1904 г., когда партия приняла решение о его исключении из своих рядов.

На Жореса нападали со всех сторон. Тон задавали старые оппоненты – гедисты. Конгресс Второго Интернационала, собравшийся в 1904 г. в Амстердаме, поставил французским социалистам на вид их активное участие в работе буржуазного правительства. Внутри самих жоресистов наметился раскол: радикальное крыло движения все более явно смещалось влево. В стране, вышедшей из дела Дрейфуса и переживавшей очередной всплеск протестной активности трудящихся, имелся явный запрос на сильную единую социалистическую партию, которая бы встала в оппозицию всем существующим политическим силам, в том числе разделявшим республиканские взгляды. Возникли условия для воплощения давней мечты Жореса – объединения всех французских социалистов. Однако сам он понимал, что это единство не может сложиться на его идейной платформе, которая отвергала классовую борьбу ради реформ и сотрудничества во благо республики.

В декабре 1903 г. в Тулузе Жорес схлестнулся в жаркой дискуссии с молодым гедистом, в будущем видным коммунистом М. Кашеном, который в жестких выражениях упрекал его в пренебрежении интересами пролетариата и увлечении буржуазным политиканством. В ответ лидер социалистов заявил, что из всех предъявленных обвинений составит букет, “который возложит на алтарь единства” французского социалистического движения⁵⁸. Это заявление стало программным. 23 и 24 апреля 1905 г. в парижском

⁵⁵ *Mayeur J.-M.* Op. cit, p. 187.

⁵⁶ О картонном деле см.: *Doessant S.* Le Général André, de l'affaire Dreyfus à l'affaire des fiches. Paris, 2009.

⁵⁷ *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 29.X.1904.*

⁵⁸ *Rioux J.-P.* Op. cit, p. 183.

зале “Глоб” на объединительном конгрессе движений Геда и Жореса возникла единая Французская социалистическая партия – Секция Рабочего Интернационала (СФИО⁵⁹). Программа новой партии отражала основные постулаты марксистской доктрины – классовую борьбу и идею пролетарской революции. Организация должна была четко противопоставить себя государству и всем буржуазным политическим силам, а также взять под строгий контроль парламентскую фракцию – традиционный бастион жоресистов⁶⁰.

Жертва, принесенная на алтарь единства, действительно далась нелегко. Подписаться пришлось под теми положениями, которые вызывали у Жореса наибольшее неприятие. Однако единая социалистическая партия была сформирована таким образом, чтобы официальная доктрина не играла определяющей роли в процессе ее функционирования. СФИО возникла как очень рыхлое образование без жесткой дисциплины, ослабленной ролью общих партийных органов, с центром принятия основных политических решений, находящимся в парламентской фракции, следовательно – в руках Жореса. Главная публичная фигура социалистического лагеря, блестящий оратор, главный редактор основанной им же в 1904 г. партийной газеты “Юманите”, он сохранял максимальную свободу действий.

«Жореса, – отмечал Л.Д. Троцкий, – не раз называли диктатором французского социализма <...>, но в его “диктатуре” не было ничего тиранического. Он господствовал без усилий: человек больших размеров, с могучим интеллектом, гениальным темпераментом, несравненной работоспособностью и голосом, звучащим, как чудо, Жорес силою вещей занимал первое место на столь большой дистанции от второго и третьего, что не мог испытывать потребности подкреплять свою позицию путем закулисных манипуляций»⁶¹. На поле теории и партийной идеологии Жорес уступал таким доктринерам со стажем, как Ж. Гед или П. Лафарг, которые переняли искусство политического теоретизирования от самого К. Маркса. Однако он с лихвой компенсировал это своей харизмой и ораторским талантом. После одного из теоретических споров с Жоресом Лафарг не смог удержаться от замечания: «Когда я слушаю его (Жореса), то всегда думаю: “Как хорошо, что этот дьявольский человек с нами”»⁶².

Однако решение лидера социалистов пойти на соглашение со сторонниками Геда оттолкнуло от него многих его единомышленников, которые считали гедистов опасными радикалами. А. Мильеран, Р. Вивиани, А. Бриан, будущий премьер-министр и глава МИД, примкнувший в 1902 г. к жоресистам, отказались идти за своим лидером. Даже Л. Блюм был глубоко разочарован уступками гедизму и на годы отошел от активного участия в социалистическом движении⁶³. Жореса снова обвиняли в отступничестве, на этот раз бывшие соратники. Историки десятилетиями спорят о том, кем же он был на самом деле – твердым революционером или оппортунистом, который приспособлялся к меняющейся политической ситуации. Ближе всего к истине подошел, вероятно, Л.Д. Троцкий: «Что такое Жорес: оппортунист? революционер? И то и другое – в зависимости от политического момента – и притом с готовностью к последним выводам в обоих направлениях. Жорес – натура действия. Он всегда готов “венчать мысль короной исполнения”»⁶⁴. Политическая действительность – это лишь рябь на воде. С ней приходится считаться, но лишь постольку, поскольку вне этой реальности невозможно реализовать идею всеохватывающего человеческого единства. Речь идет не о двуличности политика, а о безграничной вере идеалиста, готового “закрыть глаза на факты, чтобы не отказаться от идеи-двигательницы”⁶⁵.

⁵⁹ Фр.: Section française de l'Internationale Ouvrière (SFIO).

⁶⁰ Parti Socialiste (Section française de l'Internationale Ouvrière). 1er et 2ème Congrès Nationaux. Compte rendu analytique. Paris, 1905.

⁶¹ Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 25–26.

⁶² Луначарский А.В. Указ. соч., с. 68.

⁶³ Bernstein S. Léon Blum. Paris, 2006, p. 89.

⁶⁴ Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 19.

⁶⁵ Там же, с. 29.

Объединение всех социалистов Франции в рядах одной партии дало Жоресу мощный импульс к действию. Радикалы, в прошлом союзники социалистов, после дела Дрейфуса оказались правящей партией и быстро меняли свой политический облик. Клемансо, будучи молодым депутатом, поддерживал основные требования французских рабочих по улучшению условий жизни и труда. В качестве министра внутренних дел (1905–1906) и председателя правительства (1906–1909) он взял жесткую линию на борьбу с набиравшим обороты забастовочным движением. В 1906 гг. север Франции потрясла забастовка шахтеров, которая быстро приняла неуправляемый характер и была подавлена с помощью войск. 1 мая 1906 г. во избежание нарушения общественного порядка Париж перевели на военное положение, введя в город 60 тыс. солдат, и превентивно арестовали лидеров профсоюзов⁶⁶.

На пике волны забастовок во Франции прошли парламентские выборы, на которых СФИО получила 54 депутатских мандата. Первые же заседания палаты нового созыва вылились в жесткое противостояние между Жоресом и Клемансо. Их словесная дуэль, растянувшаяся на несколько дней, по праву считается одним из наиболее ярких эпизодов за всю историю французского парламентаризма. Ни о каком былом сотрудничестве речи не шло. Между бывшими союзниками пролегла пропасть социального вопроса. Жорес констатировал, что экономические и социальные проблемы вытесняют политические с первых строк повестки дня республиканцев. С принятием закона об отделении церкви от государства в 1905 г. открылась новая страница истории Франции – эпоха глубоких социальных преобразований. “Разве не было бы лучше, человечнее и справедливее то общество, в котором средства производства, земля, заводы, шахты, здания находились бы в собственности не меньшинства стоящих у власти капиталистов, а всей совокупности производителей, объединенных и связанных друг с другом?”, – задавал он риторический вопрос⁶⁷.

Жорес настаивал на том, что рабочие, борющиеся за высшую справедливость, не подлежат преследованию. Клемансо возражал. “Возвышенность ваших социалистических теорий, – отвечал он, – дает вам преимущество передо мной. Вы обладаете чудесной силой возводить с помощью вашей волшебной палочки сказочные дворцы. Я же – скромный строитель собора, закладываящий свой камень в основание здания, которое он никогда не увидит”⁶⁸. Однако беспочвенные, по мнению главы правительства, идеи Жореса основывались на глубокой революционной традиции, которая в условиях роста социального протеста в начале XX в. получила новый стимул к развитию.

В 1907 г. загорелся родной для лидера социалистов Юг. Эпидемия филлоксеры поломала производственную цепочку в местном виноделии, что привело к катастрофическому кризису отрасли. Виноделы обвинили во всем правительство и крупный бизнес Севера, который, по их мнению, искусственно обвалил цены. Недовольные массово вышли на улицы городов. Местная администрация и часть воинских гарнизонов присоединились к манифестантам. Правительство Клемансо снова использовало силу. В ответ Жорес выступил с целой программой социальных преобразований. Он предложил национализировать винодельческий сектор, передать вопросы производства, торговли и ценообразования в руки государства, которое раз и навсегда решит проблему “искусственного перепроизводства”. Страну, погружившуюся в пучину социальной борьбы, требовалось успокоить и восстановить ее “единство, уничтожив разделение на классы”⁶⁹.

⁶⁶ Winock M. Clemenceau. Paris, 2007, p. 327–329.

⁶⁷ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 14.VI.1906.

⁶⁸ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 18.VI.1906.

⁶⁹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 11.VI.1907.

Жорес последовательно продвигался к реализации своего философского идеала всеобщего единства. Накануне Первой мировой войны главное место в его построениях заняла концепция единой нации. Он исходил из того, что ни о каком гражданском единении говорить нельзя до тех пор, пока Францию сотрясает борьба между имущими и обделенными. Нация, по Жоресу, – это прежде всего “пространство перераспределения”. Историк П. Розанваллон поясняет его мысль: “Проблема заключается в необходимости отдельных социальных реформ с целью построения нации как понятного и договорного пространства солидарности и перераспределения”⁷⁰. В этом русле лежала идея прогрессивного налога, в поддержку которого активно выступал лидер социалистов. Богатый человек богат не только в силу своих личных заслуг, но и благодаря тому, что нация создала ему соответствующие условия. Поэтому часть его достатка по праву принадлежит тем, кто своим трудом непосредственно производит общественные блага.

Идеалом единства для Жореса была французская нация образца 1792 г., объединившаяся под революционными лозунгами. Процесс ее становления он детально исследовал в четырехтомной “Социалистической истории Французской революции”, опубликованной в 1901–1904 гг. В 1911 г. Жорес выступил с программной работой “Новая армия”, в которой еще глубже исследовал проблему. В свое время революционные армии остановили внешнего врага благодаря тому, что за оружие взялась вся нация, от мала до велика. В их рядах не было ни бедных, ни богатых, ни инородцев. Все действовали как один человек. Таковы, по мнению лидера социалистов, и должны быть вооруженные силы республики: не кадровая армия, оплот реакции и опора внутренне-го реванша, а “вооруженная нация” по типу всеобщего ополчения.

Идея нации органично выросла из монистской философии Жореса, из опыта его жизни на земле и общения с простыми людьми. Он ощущал ее дух в шахтах Кармо, среди полей Кастра, в студенческих аудиториях Тулузы, на парижских бульварах и даже в зале заседаний парламента. А.В. Луначарский, лично знавший Жореса, так писал о нем: “Жорес развешивался, как мощный дуб. Корни его все глубже уходили во французскую землю”⁷¹. Эта земля и была для него той самой “настоящей Францией”, независимой от географии, политики и идеологии. Жорес пережил период страстного увлечения творчеством Л.Н. Толстого. По его мнению, именно русскому писателю удалось за социальными и политическими декорациями рассмотреть лик народа и представить его жизнь во всей ее первозданной чистоте и правоте. “Толстой, – отмечал Жорес, – помог нам поднять взгляд к небу и увидеть звезды; вновь обрести смысл простоты, братства, глубокой мистической жизни”⁷².

Мистицизм постоянно проявлялся в жоресовском восприятии общества, политики, нации. Лидер социалистов так до конца и не определился со своим отношением к религии. В 1901 г. по Парижу разлетелась новость о том, что его дочь с согласия отца прошла католический обряд конфирмации. Жорес в это время активно участвовал в борьбе против клерикализма. Разгорелся скандал⁷³. Жорес четко разделял политику и веру. Сам он, очевидно, до конца жизни находился в духовном поиске. Толстовство привлекало его простотой, ясностью и универсализмом своих евангельских принципов, носителем которых является не отдельный класс или партия, а весь народ. Кроме того, в учении Толстого имела еще одна идея, которая чем дальше, тем сильнее волновала лидера французских социалистов – необходимость искоренения войны как явления человеческой жизни.

Жорес считал войну абсолютной катастрофой. Она являлась полной антитезой дорогой для него идее единства. Война разделяет, противопоставляет людей друг другу, сооружает непреодолимые стены между народами. Но еще более она опасна для неокрепшей французской республики. О своих опасениях лидер социалистов говорил

⁷⁰ Розанваллон П. Общество равных. М., 2014, с. 203.

⁷¹ Луначарский А.В. Указ. соч., с. 71.

⁷² France A., Jaurès J. Deux discours sur Tolstoï. Paris, 1911, p. 29.

⁷³ Candar G., Duclert V. Op. cit., p. 482.

недвусмысленно: “Европейская война... может породить длительный период контр-революции, жестокой реакции, удушающей диктатуры и чудовищного милитаризма... Мы не хотим тянуть этот дьявольский жребий... Французские социалисты отвергают раз и навсегда любую идею военного реванша против Германии”⁷⁴.

Перед перспективой войны Жорес испытывал практически экзистенциальный страх, который серьезно вредил его политическому имиджу. В своем пацифизме лидер социалистов дошел до крайней возможной точки, за которой во Франции начала XX в. начиналось подозрение в предательстве национальных интересов. Он предлагал неслыханное: забыть о возвращении уступленных в 1871 г. Германии провинций Эльзаса и Лотарингии. По мнению Жореса, залогом изменения их статуса будет не новая франко-германская война, а внутренняя демократизация Германской империи, ее движение по примеру Франции к идеалам свободы, равенства и братства⁷⁵. Иллюзорность подобного рода надежд удивляла и возмущала. Правые открыто обвиняли лидера социалистов в государственной измене.

Жорес пытался выйти из затруднения, усложняя свою трактовку самой идеи войны. “Мы, социалисты, – отмечал он, – не боимся войны. Если она разразится, мы сумеем посмотреть в глаза обстоятельствам и сделаем все, чтобы ситуация обратилась в нашу пользу, во имя независимости и свободы народов, освобождения пролетариата”⁷⁶. Одновременно он говорил о том, что есть войны оборонительные, справедливые и реваншистские. Война во имя благой цели защиты отечества допустима и оправдана, даже если она началась как захватническая. В сентябре 1905 г. под впечатлением от первого марокканского кризиса Жорес написал: “Если, несмотря ни на что, война разразится, даже если она окажется самой безумной, самой несправедливой, самой злодейской, обязанностью всех граждан будет борьба ради того, чтобы независимость отечества не пала жертвой бури, развязанной преступлением руководителей”⁷⁷.

Для оправдания своего пацифизма Жорес обратился и к идее пролетарского интернационализма, которая быстро набирала популярность в начале XX в. Еще на заре своей политической карьеры он выступил против марксовской идеи, что у пролетариата нет отечества⁷⁸. Вся сущность Жореса, рано почувствовавшего связь с народом и землей, протестовала против этого. Однако в начале XX в. идею международной солидарности трудящихся против войны Жорес сделал одной из центральных в своей борьбе против военной угрозы. На конгрессах Второго Интернационала, обсуждавших меры противодействия социалистических партий Европы намечавшейся войне, он играл первую скрипку. “Интернационал, – заявил он на Базельском конгрессе в 1912 г., – должен позаботиться о том, чтобы его призыв к миру был услышан повсюду, должен повсюду разворачивать легальные или революционные действия, которые предотвратят войну, или же потребовать к ответу преступных ее зачинщиков”⁷⁹.

Отношение Жореса к войне высветило его главное идеологическое затруднение: идеальная нация, которую он представлял себе, и реальная французская нация образца начала 1914 г. расходились в целом ряде отношений. “Республика радикалов” с момента первого марокканского кризиса в 1905 г. планомерно занималась стабилизацией страны в преддверии войны, в неизбежности которой сомневались все меньше. Борьба с забастовочным движением, курс на союз с царской Россией, возвращение к трехлетнему сроку военной службы в 1913 г. – все это предпринималось ввиду военной угрозы и как реакция на нее. Но такая политика встречала ожесточенное сопротивление социалистов и в особенности их лидера. Чем громче гремели предвоенные

⁷⁴ L’Humanité, 9.VII.1905.

⁷⁵ Candar G., Duclert V. Op. cit, p. 456.

⁷⁶ L’Humanité, 9.VII.1905.

⁷⁷ Fuligni B. Le Monde selon Jaurès. Paris, 2014, p. 153–154.

⁷⁸ Candar G., Duclert V. Op. cit, p. 434.

⁷⁹ Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 1961, с. 216.

раскаты, тем решительнее действовал Жорес. Война становилась для него важнейшим идеологическим вызовом.

Лидер французских социалистов сразу понял, какими опасностями чревато убийство 28 июня 1914 г. в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда. Европа, предупреждал он, уже “завтра может погрузиться в стихию всеобщего варварства”⁸⁰. Перед лицом перспективы глобальной войны, которая обозначалась как никогда явно, Жорес развил бурную активность. 14 июля по его инициативе в Париже открылся внеочередной съезд СФИО, который среди прочих методов антивоенной борьбы рассматривал возможность объявления всеобщей стачки. Почти в ежедневном режиме лидер социалистов выступал с антивоенными статьями в прессе. Он убеждал сограждан в том, что борьба против войны, призыв которой уже поднялся над Европой, – это высшее проявление патриотизма и долг каждого француза⁸¹. В возможной трагедии виноваты все – немецкий империализм, союзники Франции, связавшие ее узами секретных договоров, и сама Франция, увлекшаяся колониальной экспансией и бряцанием оружием.

23 июля во Францию вернулись президент Р. Пуанкаре и премьер Р. Вивиани, находившиеся с визитом в России. В тот же день Сербии был вручен австрийский ультиматум, который приводил в действие механизм союзных договоров и вел к всеобщей войне. Наступила самая главная неделя в жизни Жореса. 27 июля в “Юманите” вышла его последняя статья. “Непоправимое еще не произошло, – писал он, – и поэтому можно надеяться, что правители огромным усилием ума поймут, к какой ужасной катастрофе идет мир”⁸². Лидер социалистов предлагал правительствам Германии и Франции надавить на своих союзников, чтобы те перестали раскручивать напряжение, чреватое войной. Через два дня он был в Брюсселе – на сессии Международного социалистического бюро, которое проводило последний смотр сил европейского пролетариата. Основная идея Жореса, высказанная там, оставалась все той же – отказ от секретного соглашения с Россией. “Мы признаем лишь один договор – тот, который связывает нас с родом человеческим!”, – говорил он с высокой трибуны.

Однако провал антивоенных усилий становился все более очевидным. Социалистическое бюро ограничилось невнятным заявлением, которое не предлагало никакого варианта действий на случай начала войны. 30 июля Жорес вернулся в Париж, где его застала новость о начале мобилизации русской армии. Прямо с вокзала, с чемоданом в руках, он поехал в парламент. В ходе встречи с премьером Р. Вивиани, своим бывшим соратником и единомышленником, лидер социалистов продолжал настаивать на невмешательстве Франции в русско-австрийский конфликт, однако ответом ему было вежливое молчание. Страна жила в предчувствии войны. На стенах парижских домов уже появлялись антинемецкие надписи, а мужчины готовились взять в руки оружие, чтобы до Рождества покончить с “бошами”. Правая и националистическая пресса развязала против Жореса и его пацифистских инициатив яростную кампанию.

31 июля, последний мирный день Европейского континента, был последним днем жизни Жореса. Он уже не сомневался в том, что кабинет министров взял курс на войну. Переговоры в кулуарах Бурбонского дворца и в здании французского МИД на набережной Орсе окончательно убедили его в этом. Заместитель министра иностранных дел А. Ферри, провожая делегацию социалистов после аудиенции, вполголоса сказал Жоресу: “Все кончено”⁸³. Наступал логический финал. Жорес готовился написать для завтрашнего номера “Юманите” статью и в ней назвать вещи своими именами, не жалея никого из бывших соратников в правительстве. Вечером, когда кроме написания статьи у него не оставалось никаких дел, он вышел из здания редакции партийной газеты на улице Монмартр, чтобы поужинать. С группой однопартийцев он сел за стол

⁸⁰ La Dépêche, 5.VII.1914.

⁸¹ La Dépêche, 22.VII.1914.

⁸² L'Humanité, 27.VII.1914.

⁸³ Rioux J.-P. Op. cit., p. 9.

в кафе “Круассан”. В 21 ч. 40 мин. за окном прогремели два выстрела, и Жорес пал, смертельно пораженный пулей националиста.

Историки, которые по минутам реконструировали события 31 июля 1914 г., спорят о том, какие мысли занимали лидера французских социалистов в последние часы жизни. Несколько ранее он узнал о том, что его германские собратья по Интернационалу согласились поддержать всеобщую мобилизацию. В этой связи высказывается предположение, что Жорес готовился принять неизбежное и призвать нацию вновь, как в 1792 г., объединиться ради защиты республики и отечества⁸⁴. Все факты, казалось бы, говорят об обратном: лидер социалистов ни на минуту не колебался в вопросе о том, продолжать ли дальше свою антивоенную деятельность. Однако сложно прогнозировать, как бы он повел себя в ситуации начавшейся войны. В прошлом он неоднократно кардинально менял позицию, если изменившиеся условия создавали новый фон для его борьбы. Во всяком случае историку трудно представить Жореса, агитирующего против войны в разгар битвы на Марне, когда немцы стояли в 60 км от Парижа.

В лице Жореса страна потеряла не только яркого патриота, но и важнейшую политическую фигуру, которая одним фактом своего существования примиряла враждебно настроенные по отношению друг к другу части французского общества. Биограф не зря назвал его “человеком-оркестром”⁸⁵. Границами своей сложной натуры он объединял совершенно разных людей и в этом смысле сам являлся воплощением того идеала единства, который вынашивал с самых первых своих философских опытов. Первой после трагического ухода Жореса дала трещину его партия. Исчезновение главного консолидирующего элемента в условиях идейного кризиса социалистического движения, вызванного войной, запустило в ней центробежные процессы, которые в 1920 г. привели к расколу СФИО и возникновению коммунистической партии. Но и французская нация, о единстве которой так много думал Жорес, не вышла из войны без потерь. Медленный, но верный распад политической системы Третьей республики в межвоенный период, сопровождавшийся социальной поляризацией, воплощал самые худшие его опасения.

Спорить о том, какой бы оборот приняла история, если бы вечером 31 июля националист Р. Виллен не проходил мимо кафе “Круассан”, бессмысленно. Как верно отметил Л.Д. Троцкий, “кусоч свинца освободил Жореса от величайшего политического испытания”⁸⁶. Но это никак не умаляет исторического значения его фигуры. Клемансо, которого с лидером социалистов связывали сложные отношения, писал о нем 2 августа 1914 г.: “Жалкий сумасшедший убил Жореса в тот момент, когда тот со всей своей выдающейся энергией оказывал стране двойную услугу, настойчиво пытаясь сохранить мир и призывая весь французский пролетариат на защиту родины... Он прославил страну своим талантом, поставленным на службу великому идеалу, и благородной возвышенностью своих взглядов”⁸⁷. Современники Жореса понимали, что им довелось жить в одну эпоху с выдающимся государственным деятелем. Франция оказала ему посмертную честь, величайшую из всех возможных. В 1924 г. его останки были торжественно перезахоронены в крипте парижского Пантеона, среди выдающихся деятелей французской истории.

⁸⁴ Candar G., Duclert V. Op. cit, p. 37.

⁸⁵ Rioux J.-P. Op. cit., p. 188.

⁸⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч., с. 30.

⁸⁷ L'Homme libre, 2. VIII. 1914.